

Д. А. РАДЧЕНКО,
А. Е. ПИСАРЕВ
(Москва)

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ: НОРМАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО И ФОЛЬКЛОР СУБКУЛЬТУРЫ

Аннотация. Статья посвящена анализу специфики фольклора субкультуры исторических реконструкторов в России. За время своего развития субкультура превратилась в гетерогенное сообщество, в котором фольклор выполняет функции определения и поддержания нормативной системы и осмысления актуальной реальности. Движение исторических реконструкторов также активно аккумулирует фольклор иных субкультур, адаптируя его к своим задачам.

Ключевые слова: субкультура, норма, аутентичность, память, историческая реконструкция.

Массовый интерес к историческому прошлому, его романтизация и потребность в физическом опыте, обострившиеся в сенсорно депривированной городской культуре XX в., стали одними из основных причин формирования направления исторической реконструкции в 1930-х — 1960-х гг. в Великобритании, США, европейских странах и в последней четверти века — в странах бывшего соцлагеря и России. Деятельность движения исторической реконструкции основана на воссоздании элементов материальной культуры прошлого и использовании этих артефактов в ситуациях, наиболее приближенных к их историческим прототипам. Наибольшее значение придается реконструкции костюма, доспеха и вооружения, и, во вторую очередь — предметов быта. Интерес к нематериальной культуре изучаемых эпох в рамках субкультуры ограничен, как правило, боевыми практиками, кулинарией, элементами ритуалов, а также феноменами музыкально-хореографической культуры. Путем воссоздания артефактов, бытовых и боевых практик реконструкторы делают историю осязаемой, постигаемой через физический опыт.

Благодаря ориентации на такую, в общем, социально одобряемую деятельность, в России реконструкторы стали одной из немногих субкультур, не просто привлекающих к себе внимание своим внешним видом, но и до известной степени «встроенных» в магистральную культуру. Тем не менее, это направление практически не отражено в отечественных исследованиях субкультур. Одним из немногих исключений является краткая заметка Е. В. Зориной и А. В. Юрченко [Зорина, Юрченко], а также одна из наших статей [Radtchenko 2006]; имеются также отдельные исследования психологов, ориентированные на анализ движения с точки зрения внутрigrуппового взаимодействия (напр., [Веселова 2011]). С другой стороны, существует обширный пласт западных исследований, в основном рассматривающих данную субкультуру в социологической, антропологической или культурологической перспективах (см., напр.: [Anderson 1984; Thompson 2004; Horwitz 1999; Turner 1989; Hall 1994] и др.). На материале реконструкторского сообщества изучаются вопросы функционирования понятия «аутентичного» в современной культуре ([Handler, Saxton 1988; Crang 1996; Agnew 2004; Historical Reenactment 2010] и др.).

Хотя мы и говорим об исторической реконструкции (далее — ИР) как о субкультуре, но надо отметить, что это весьма неоднородное сообщество, включающее множество направлений (реконструкция периодов средневековья, Отечественной войны 1812 г., Второй мировой войны и т. д.). В субкультуру входят люди, имеющие совершенно разные интересы: они могут рассматривать ИР как научное направление, экстремальный спорт, «тусовку» на фоне исторических памятников, способ заработка и т. д. Наконец, на протяжении трех десятилетий движение претерпело серьезные изменения. Будучи ограничены объемом статьи, мы вынуждены абстрагироваться от всего многообразия проявлений ИР, рассматривая эту субкультуру как условно статичное и однородное образование.

Источниковую базу исследования составили материалы, собранные в ходе включенного наблюдения на протяжении десяти лет (2001—2011 гг.), интервью с участниками движения (как личные, так и интернет-опосредованные), материалы более чем 200 блогов и личных страниц участников движения в социальных сетях.

«Кто его друг и что он выигрывал?»: нормы субкультуры

Говоря о своем месте в сообществе, реконструктор практически неизбежно помещает себя в систему координат, сформированную значимыми/известными личностями и клубами, с одной стороны, и параметром «нормы» — с другой. Набор известных ему и знающих его персоналий, которые тем или иным образом оцениваются субкультурой, характеризует степень его собственной вовлеченности в движение, его знания, увлечения и статус. Выделяется ряд универсально известных личностей и клубов, имена и названия которых становятся знаками, нагруженными мощными пластами смысла. Поскольку эти имена-знаки складываются в код, знать их для участника движения необходимо, и это знание — один из первых признаков вовлеченности в субкультуру: без него коммуникация внутри движения невозможна. Так, характерен следующий рассказ о Вильгельме Хельмшмидте, одном из ведущих оружейников движения, создающем профессионально выполненные копии рыцарских доспехов позднего средневековья, которые на взгляд непосвященного выглядят весьма причудливо:

У него костюмных доспехов несколько, с мордами там, с усами, то есть все, но он действительно металлург... от бога, кузнец от бога, у него реально вот эти вот классные вещи. И... кто-то там пытался его в гобуля¹ записать, юноше посоветовали выбирать выражения, читать книжки, потому что родной, ты...хм... человек, который в принципе не

¹ Гобуль (сленг) — человек, сознательно пренебрегающий качеством реконструкции в пользу дешевизны, удобства или просто по небрежности.

знает, что такое (Зап. от муж., 31 год, Москва, стаж в субкультуре — 10 лет. 2011 г.) [ПМА].

Таким образом, складывается предметность по традиционному типу, когда основой статуса человека в обществе служит его круг общения и его «происхождение», те лица, которые оказывали на него влияние.

Потребность в легитимизации статуса по традиционному принципу совершенно адекватно реконструируемым культурам прошлого и потому не только поддерживается, но и активно реализуется в создаваемых ритуалах. Так, в начале развития «средневековой» реконструкции перед участниками направления возникла проблема посвящения в рыцари. Вполне очевидно, что посвященных рыцарей на территории бывшего СССР не было и не могло быть, а только такой рыцарь мог сделать посвящение не игровым, а легитимным, соответствующим потребности реконструкторов начала 1990-х. Сохранилось два нарратива о традиции рыцарского посвящения в движении. Один связан с посвящением нескольких белорусских реконструкторов герцогом Урвиком; сюжет второго рассказывает о второй линии рыцарей в России, которая пошла от рыцарей Мальтийского ордена, побывавших в России в гостях у Военно-исторической комиссии при ЦК ВООПИиК и посвятивших ряд наиболее заслуженных и старых «виковцев» в рыцари. Эти рассказы активно распространялись в реконструкторской среде, поскольку подтверждали легитимность статуса ее авторитетных лиц.

Обряды посвящения разрабатывались и в среде реконструкторов-родноверов, которые нацелены не только и не столько на реконструкцию материальной культуры и боевых практик древних русичей, сколько на реконструкцию практик духовных. Так, нам известен обряд, при котором неофит становился на колени, над ним скрещивали копья, и волхв обносил его по кругу огнем, после чего новоиспеченному воину вручался меч/нож, наличие которого у определенной части реконструкторов-родноверов является знаком воина-мужчины. Потребность в обряде, 151

сопровождая изменение статуса, и его искусственная разработка отмечены, в частности, А. И. Годиноу у индеев (ритуал вручения власти «акочитам» — лицам, исполняющим регулируемую функцию на Пау-Вау) [Година 1999].

Круг общения «правильного» участника субкультуры также является одним из ключевых показателей его статуса. Для поддержания статуса следует, однако, не столько избегать людей «неправильных», сколько реализовывать определенную форму коммуникации с ними. В результате «не наш человек» может оказаться объектом шуток, розыгрышей, персонажем баек и анекдотов.

В этом отношении показателен факт бытования в движении мема², вынесенного в заголовок раздела: «Кто его друг, кто ему здесь рад и что он выигрывал». Данное выражение попало в среду реконструкторов из среды участников ролевых игр (далее — РИ) в 2002—2003 гг. через вовлеченных в РИ членов реконструкторского клуба «Баярд» [Igra-govno]. В настоящее время мем продолжает активно распространяться в Интернете. Нацеленность на определение «своих» по параметру территориальной принадлежности сменяется несколько иронически окрашенной идеей определения «наших людей» через принадлежность к тому или иному сообществу. Даже вопрос «что он выигрывал?» нацелен не столько на выявление достижений и умений кандидата в «наши люди», сколько на определение, к какому направлению реконструкции он принадлежит — какие фестивали посещает, в каких турнирах участвует, с кем общается.

Разделение субкультуры на лагерь «правильных» и «неправильных» (т. е. на ядро, состоящее из старших членов субкультуры, склонных соблюдать принятые нормы, и колеблющуюся маргинальную среду, ориентированную на внешние по отношению к идеологической основе субкультуры категории,

² Мемы — паремииподобные формы, сложившиеся в интернет-фольклоре и являющиеся своеобразными «сгустками» информации.

будь то модная одежда или экстремальный спорт) практически неизбежно для любой субкультуры [Gueorguieva 2010]. В ИР-среде этот процесс породил значительное число сообществ, сформировавшихся, по сути, собственные ядра, но, тем не менее, сохранивших ключевые ценности субкультуры, хотя и в адаптированной к потребностям конкретной группы форме (С. Декер описывает этот процесс как совокупность стратегий переосмысления идеологии, реинтерпретации поведения и поиска исключений [Decker 2010, 275]). «Наш» человек определяется как соответствующий ключевым нормам субкультуры, которые легко проследить по бытующим в движении байкам — одному из основных носителей исторической памяти сообщества.

Первая группа норм связана с отношением индивида к реконструкции. Магистральное направление ИР нацелено на максимальное соответствие создаваемых артефактов их историческим прообразам или источникам — т. н. «аутентичность». Соответственно, соблюдение этой нормы ложится в основу статуса. Право голоса, право принятия решения в рамках клуба имеет, как правило, тот его член, у которого собран комплекс костюма/доспеха/вооружения и который фактом необходимых для этого временных и финансовых затрат доказал свою мотивированность и интерес к реконструкторской деятельности.

Отражением этой нормы является крайне распространенная байка с весьма высоким уровнем вариативности, бытующая в самых разных направлениях субкультуры. Ее сюжет сводится к тому, что некий реконструктор (имя, как правило, не называется — это обобщенный типаж), ехавший на зарубежный фестиваль — что само по себе престижно — не смог пересечь государственную границу, так как был остановлен на таможенном контроле из-за наличия большого количества драгоценных металлов в составе комплекса. В зависимости от того, в какой группе рассказывается байка, могут называться золотые пуговицы, серебряные украшения (шейные гривны, браслеты и т. п.),

и даже художественно выполненные доспехи. Неизменным остается отношение реконструкторов к герою байки: такое дотошное отношение к воспроизведению исторических образцов вызывает уважение и является субкультурным идеалом.

Следующий нормативный пласт связан с коммуникативными навыками, реализуемыми как внутри, так и вне субкультуры. Ценится умение относиться с известным здравым смыслом к своей деятельности, не слишком романтизируя ее, способность адекватно оценивать ее результаты и собственное место и роль в субкультуре, а также умение взаимодействовать с внешним миром: как с публикой, посещающей мероприятия реконструкторов, так и с официальными структурами — региональной администрацией, правоохранительными органами и т. д.

Отношения с посторонними движению людьми и властью породили значительное число текстов, описывающих как норму, так и антинорму. Так, нередко воспроизводится байка о том, как во время одного из ранних фестивалей реконструкторов, занимающихся ранним средневековым Скандинавией (в субкультурной номинации — «викинги»), люди, посланные в ближайшую деревню за продуктами, украли там курицу/гуся. Местные жители, вооружившись цепями и палками, отправились в лагерь выяснять ситуацию, к чему «викинги», почти поголовно оснащенные пусть и затупленным оружием и щитами, отнеслись легкомысленно. Конфликт, однако, перерос в жесткое столкновение, в результате которого реконструкторы были вынуждены сбежать. Байка описывает нарушение целого комплекса норм: в том числе вступление в вооруженный конфликт и принятие поражения.

При этом истории о конфликтах с властями в результате бравирования оружием или его открытого ношения, по мнению носителей традиции, вполне вписываются в рамки нормы. Так, бытует рассказ о том, как один из старых московских реконструкторов среди бела дня вез по Тверской улице пулемет и был, естественно, остановлен сотрудни-

ками милиции — и только влиятельные связи руководителя клуба обеспечили ему условный срок вместо реального. Другая характерная байка рассказывает о почти состоявшемся столкновении строя «викингов» со строем ОМОНа у кремлевской стены во время празднования 850-летия Москвы. Тот же мотив противостояния силовым структурам актуализируется в следующей форме:

В 1998 году, когда разогнали в Нескучном Саду толкинистов и просто ролевиков, отряд ОМОНа попытался выгнать группу реконструкторов... но ребята не растерялись, выстроились клином и пошли в атаку... => учитывая то что они были увешаны железом с ног до головы и мечи у них были стальные, я думаю понятно кто победил... => [Damael 2006]

Следующий комплекс норм, выраженных в байках, можно описать как способы реализации специфически реконструкторского «молодечества»: это проказы, часто совершаемые в состоянии опьянения, но обязательно с применением реконструкторских навыков или артефактов. Так, распространена следующая легенда, описывающая одобряемое поведение:

Московские гренадеры были одним из старых клубов, это времена легендарные. Говорят, все поголовно ходили с действующим оружием, точеными шашками. Был свой пулемет. Гранат было столько, что лень ходить с топором; за дровами ходили так: находили в лесу дерево с дуплом и кидали туда гранату, а потом собирали обломки (Зап. от муж., 31 год, Москва, стаж в субкультуре — 10 лет. 2011 г.) [ПМА].

Аналогичную окраску имеет следующий меморат:

<...>тогда был некто Вася (имя изменено. — Д. Р., А. П.), человек контуженный <...> Его поставили караулить. И когда приехала машина, он сказал: «Стой, кто идет? Стой, стрелять буду!» Машина не останавливается, а он вот прямо штыком в радиатор всадил (Зап. от муж., 42 года, Москва, стаж в субкультуре — 23 года. 2011.) [ПМА].

Подобная «умеренность» является определяющей в байках про употребление алкоголя, практически обязательного атрибута застолья друзей-ре-

конструкторов. Вариант встречи без выпивки обычно не рассматривается: как говорят наши информанты, «виделись, а встретиться не пришлось». Но буянить, напиваться до некрасивых физиологических реакций, беспамятства, считается неправильным и неэтичным по отношению к товарищам.

Описанные нормы укладываются в простую матрицу. Задачей ИР является групповое достижение определенного опыта взаимодействия с вещами и практиками, в той или иной степени соответствующими историческим аналогам — на языке движения, «аутентичными». Соответственно, нормой является мотивированность и умение (1) создавать и поддерживать «аутентичность» в том виде, в каком ее понимает данная группа и (2) поддерживать коллективное взаимодействие. Последний вектор нормативности является скорее общесубкультурным, чем субкультурным, поскольку, скажем, самолюбование, конфликтность и неприятная для окружающих степень опьянения разрушают любую коллективную коммуникацию, а не исключительно реконструкторскую.

Специфично субкультурной нормой остается «аутентичность», «подлинность» — понятие, заслуживающее отдельного рассмотрения. Так, для реконструктора магистрального направления ключевой является «подлинность» реконструируемой материальной культуры, окружение себя «аутентичными» вещами и получение в этом контексте определенного телесного опыта; для реконструктора, специализирующегося на рукопашном бое, «подлинность» вещей отодвигается на второй план, зато первостепенное значение приобретает «подлинность» телесного опыта контактного боя с возможностью наносить и получать полновесные удары холодным оружием. Как уже было отмечено, артефакты — подлинные и реконструированные — являются основой статуса реконструктора и материальным воплощением норм субкультуры. На определенном этапе развития движения создание вещей могло даже сопровождаться проведением спонтанно разработанных или воспроизведенных/стилизированных ритуалов. Так, при сборке меча могли проводиться некоторые условные об-

ряды воинской магии; случалось, что мечи освящали в церкви или на родно-верческих мольбищах; распространен был и обряд «имянаречения» меча.

В силу их центрального положения в идеологии движения, символически нагруженные артефакты активно вовлекаются в фольклорный процесс. Существует целый класс вещей, стимулирующих актуализацию меморатов в момент передачи этих предметов из рук в руки, демонстрации и даже в ходе обсуждения прошлого вообще. Это вещи (в основном оружие, реже — доспех), обладающие высокой ценностью в субкультуре (как символической, так и сугубо финансовой) и, соответственно, повышающие статус своего владельца: предметы, «игравшие» в популярных исторических фильмах, «реконструкторский антиквариат» (предметы, принадлежавшие знаковым для субкультуры личностям или уникальные, созданные выдающимися мастерами), подлинные антикварные вещи, от приобретенной с военных складов формы до пряжек, найденных в ходе археологических работ. Этим вещам несколько уступают «этнографические» вещи и материалы, созданные в XIX — начале XX вв. — домоткань, тканые и плетеные пояса и т. д. Итак, носителем памяти может выступать артефакт, обладающий подлинностью какого-то из следующих типов: (1) антиквариат, подлинный исторический предмет; (2) этнографически «подлинный» предмет, не принадлежащий непосредственно к реконструируемой эпохе; (3) артефакт, обладающий «накопленной историей», значимый для сообщества благодаря тому, что его создали и/или им владели статусные личности или группы, или он «участвовал» в значимых для субкультуры событиях (съемки исторических фильмов к таковым безусловно относятся).

Для направления исторического фехтования признаком «подлинности» является знакомство с носителями старинных боевых техник. В среде казаков — знатоков рубки шашкой бытуют рассказы об уроках, преподанных им их отцами, ветеранами Великой Отечественной войны и даже ветераном Первой мировой войны. По свидетельству

одного из наших информантов, ульяновский клуб «Рысь», занимавшийся в начале 1990-х гг. развитием т. н. «славяно-горицкой борьбы», активно использовал методы этнографии для изучения соответствующей традиции:

...в ульяновской области до семидесятих годов кулачные бои были. За это и председатели выговоры были, там чуть ли не до посадок... воот... то есть все было свежо. И ... grit, приезжаешь вот там... кто у вас там лучшие бойцы на кулаках? — там будут вот, например, Степаныч. Вот к Степанычу приходят, он: «Эх, ребят, старенький я уж стал весь, так я б рассказал, да уж не помню ничего». Ну и там слово за слово, раз — в магазин, казенную на стол, под рюмочку раз — ап! — «Федька-то кривой тово, вот <...> как, вот он его вот так вот от!» Вот... «Оп, ну-ка, покажи, дедушка еще раз, как он». И вот этнографию тут срисовывали, движения, хваточки, вот все вот эти...(Зап. от муж., 37 лет., Москва, стаж в субкультуре — 19 лет. 2011.) [ПМА].

Такая форма включенности в боевую традицию также нашла одобрение в среде реконструкторов — достаточное, чтобы об этом вспоминали спустя двадцать лет.

«Джедай» в «лазурном» против «обедневшего прусского рыцаря»: фольклор субкультуры

Понимание нормы как реализации подлинности и различия в этом понимании между субкультурами приводит еще к одному интересному последствию — неравномерности фольклорной активности субкультуры.

Как предполагает Д. В. Громов, «склонны к созданию фольклора субкультуры, объединяющие молодежь с высоким уровнем образованности и включающие в свою систему ценностей творчество и интеллектуальную активность» [Громов 2010, 142]; в противоположность им, субкультуры, ориентированные на физическую активность и развитие, почти не создают фольклора. ИР, в таком случае, попадает в странную ситуацию: субкультура включает большой процент лиц с высоким уровнем

образованности и ориентирована, с одной стороны, на физический опыт, с другой — на знание и интеллектуальную активность. Возможно, следует предположить, что продуцирование фольклора связано с тем, насколько субкультура ориентирована на тексты. Значима не интеллектуальная активность вообще, а ориентация на деятельность определенного типа: для ИР творчество как таковое скорее негативно — задачей является воспроизведение исторических артефактов; создание же текстов ИР-сообщество мало занимает.

В силу того, что в основе ИР-деятельности лежит вещь, а не текст, значительное число текстов субкультурного репертуара ИР является прямыми заимствованиями и переделками фольклорных форм тексто- и эмоциоцентричной субкультуры любителей ролевых игр (далее — РИ). В частности, таковыми является множество песен, исполняемых на ИР-фестивалях. Важно, что, несмотря на достаточно резкое отмежевывание значительной части реконструкторов от РИ-сообщества и его традиций, песни отторжения не вызывают и охотно исполняются.

Более того, ИР практически не продуцирует анекдотов о себе — ситуация не совсем характерная для современных субкультур и движений, склонных рассматривать наличие таких анекдотов как подтверждение факта своего существования, и не только сочинять новые, но и адаптировать старые анекдоты под собственные реалии [Радченко 2010, 73]. Зато существует целый корпус анекдотов об ИР, созданных внешними наблюдателями, в основном ролевиками, в которых — что вполне естественно — реконструкторская «норма» доводится до абсурда и превращается в антинорму. Такую же тенденцию можно проследить в изобразительном творчестве. Например, демотиватор³ на илл. 1 [VK 2011] (см. стр. 3 обложки), отсылающий к пародийному (т. н. «гоблиновскому») пере-

³ Демотиватор — изображение, состоящее из фотографии/рисунка, помещенного в черную рамку, и сопровождаемое подписью, придающей ему абсурдный или парадоксальный характер.

воду фильма «Властелин колец», подчеркивает конфликт норм и ценностей реконструкторов и толкиенистов: в галлюцинации реконструктор видит Гэндальфа — персонажа романа Толкиена. Комичность создается, помимо прочего, через апелляцию к аутентичности — одной из главных ценностей субкультуры реконструкторов.

Выделяется пласт фольклорных текстов, которые имеют хождение в целом ряде взаимосвязанных субкультур. Это тексты, осмысливающие взаимодействие субкультуры с «внешним миром». В основном они созданы вне ИР-сообщества, но достаточно охотно воспринимаются им.

Так, в Интернете и в устной коммуникации бытует байка о толкинисте/ролевике/реконструкторе, который в одиночку противостоит напавшим на него на улице асоциальным личностям:

Возвращается как-то славянин с турнира. Вылез из электрички. На улице темень крошечная. Чтобы не тащить в руках лишнюю тяжесть, кольчугу не снимал, только свитер поверх надел. За спиной в ножнах меч-полуторка. Выходит под фонарь, и тут ему навстречу 2 тела. “Денег дай!” Он им “Ребята, какие деньги...” Слово-за-слово, товарищи разъярились и один из них достает нож и тыкает нашего славянина в живот. У того, понятное дело там кольчуга, ему все пофиг. Товарищ удивляется, тыкает его еще пару раз. Тут добрый реконструктор обижается на испорченный свитер и, доставши свой меч из-за плеча, плашмя трескает им по голове товарищу с ножом. Тот падает. Славянин поворачивается ко второму, и тут вдруг вымогатель падает на колени и орет дурным голосом: “Не убивай меня, горец!” [Огняна 2005]

Эта байка, неизменно рассказываемая как реальный случай, строится на нормах смежных, но различных субкультур: если ношение субкультурных артефактов в обыденной жизни свойственно скорее РИ-сообществу, то умение их применить в такой ситуации представляет собой скорее ценность ИР-среды.

Те же мотивы лежат в основе весьма распространенного анекдота:

Старый скинхед учит молодого: — Сынок, представь себе, идешь ты по городу. Вдруг навстречу тебе идет странно одетый человек с длинными волосами, улыбается и гитара из-за спины торчит. Знай, сынок, это хиппи, они драться не любят и не умеют. Таких надо жестоко бить. — А теперь представь — идешь ты по городу, навстречу тебе идет грязный, с волосами, крашеными в яркие цвета и торчащими во все стороны. Это панк. Драться они любят, но не умеют, можно поразвлечься. — А теперь представь — идешь ты по городу, навстречу тебе идет длинноволосый человек в косухе, с бутылкой пива. Знай сынок, это металлист — драться они не любят, но умеют. Можно бить, но лучше не связываться. — И представь себе еще вариант — идешь ты по лесу, и вдруг из кустов вылезает длинноволосый человек в странных одеяниях, с улыбкой, гитарой за спиной и палкой в руках. Это толкинист, и не дай бог тебе перепутать его с хиппи [Punker.ru].

Этот анекдот был создан в среде толкинистов (что вполне согласуется с общей установкой этой субкультуры на создание текстов) не позднее 2003—2004 гг., но к настоящему времени бытует как самоидентификационный текст в среде самых разных групп: ролевиков, реконструкторов, байкеров, анимешников, реже — готов. Формулировка пунта соответственно изменяется, «роли» внутри анекдота также распределяются по-разному: вместо панка может быть рэпер или гопник, вместо металлиста — байкер и т. п.; в РИ-среде был создан также пародийный анекдот про гоблинов, эльфов и орков. Интересно отметить, что в версиях анекдота, бытующих в различных сообществах, в роли более или менее доступной жертвы скинхеда/гопника выступают представители практически всех субкультур — кроме реконструктора, который фигурирует в тексте исключительно как самый опасный противник. Реконструкторы же не только принимают этот анекдот как свой, но и добавляют к нему новую концовку, выходящую за пределы первоначальной модели, где роли распределены по степени умения и желания драться:

Илл. 2а

Илл. 2б

«Агитационные» изображения, восхваляющие реконструкторов средневековой пехоты в ущерб реконструкторам рыцарства [Tetoraclub 2008]

...но если ты увидишь такого всего в металле, на голове металлический шлем и в руках меч... это реконструктор. Не дай бог тебе его назвать ролевиком... [Ray 2009]

Это не значит, впрочем, что своего фольклора в ИР нет. Наряду со значительным корпусом устных рассказов ИР продуцирует большое число текстов других жанров фольклора, нацеленного не столько на сохранение памяти сообщества, сколько на осмысление актуальной реальности, и бытующего преимущественно в пространстве Интернета.

Основным каналом коммуникации в ИР было и остается межличностное общение как внутри клубов, так и между ними, в основном в процессе проведения массовых мероприятий — фестивалей. Однако с рубежа 2000-х гг., с бурным развитием Интернета и появлением общезначимых сетевых площадок, интернет-коммуникация стала играть весьма значимую роль в активизации субкультуры. Аналогичные процессы происходят и в некоторых других субкультурах (см., напр. [Писаревская 2010, 456]).

В среде ИР после «интернет-поворота» нарративы продолжают составлять важную часть устной традиции передачи памяти, однако распространяются и через Интернет. В то же время Интернет становится пространством

генерирования и распространения новых текстов. В отличие от предыдущего периода, субкультура начала активно продуцировать тексты. Некоторые из них впоследствии утрачивают авторство и приобретают статус фольклорных. Наиболее яркий пример — стихотворный текст «Эволюция реконструктора» [Joker 2004], созданный творческим дуэтом Joker&Alroy в популярном в Интернете формате «жизнь в 100 словах» (тексты такого рода см., напр. [K@3@НОВ@ 2007; Наталу 2005; Mishael 2002] и т. д.) Он активно распространяется в Интернете в течение целого ряда лет и востребован разными поколениями реконструкторов. Приведем его фрагмент:

Конан. Доиль. Сон. Мечта.
 Лыжа. Местные леса.
 Романтизм. Река. Роза.
 Хишка. Водка. Колбаса.
 Друг. Объява. Разговор.
 Клуб. Магистр. Щит. Топор.
 Мастерская. Меч. Стакан.
 Тренировка. Подаван.
 Первый бой. Удача. Крут.
 Темп. Судья. В финале бьют.
 Боль. Обида. Ночь. Тоска.
 Баба. Водка. Колбаса.
 Книжка. Две. Четыре. Пять.
 Стал английский вспоминать...
 Кожа. Лен. Парча. Сукно.
 Ссылка. Выкройка. Оно!
 Шаперон. Рубаха. Брэ.
 Чепчик. Шоссы. КДВ.<...>

Илл. 3а. Вариант использования мема «Упячка» [Li 2007]

Илл. 3б. Вариант использования визуального мема «Будь мужчиной» [VK 2010]

Однако таких текстов мало. Даже те тексты, которые, казалось бы, завоевали интернет-пространство, крайне редко попадают в устное обращение. За десять лет включенного наблюдения нам единственный раз удалось зафиксировать устное распространение пародийных частушек, созданных в Интернете, молодыми «викингами» на фестивале «Русборг» в мае 2007 г. Приведем самый известный из этих текстов:

*Не скажу, в каком болоте
Найден викинг в плече,
В ламеляре, стегаче,
На велосипеде.*

Однако инициатива исполнительниц не встретила отклика у остальных участников мероприятия, помнящих историю создания этих текстов и явно полагающих, что «Интернету — интернетово».

Вместе с тем существует целый корпус фольклорных форм, которые одинаково активно распространяются в устной и сетевой коммуникации и, даже возникнув в Интернете, весьма востребованы в «живом» общении.

Так, в начале 2000-х гг., не в последнюю очередь благодаря интенсификации интернет-общения, возник ряд мемов, описывающих недобросовестный подход к реконструкции (вещи не отвечают заявленному статусу, плохо выполнены и неухожены, собраны с ориентацией на защитные функции, а не требования «аутентичности» и т. п.). Так, словосочетание «обедневший прусский рыцарь», призванное оправдывать неряшливый комплекс костюма и доспеха, стала иронически маркировать ситуацию, в которой владелец плохо собранного комплекса не только не признает своих ошибок, лени и нежелания вкладываться в реконструкцию, но и агрессивно пытается их защищать с помощью отсылок к определенным «историческим» стереотипам. К этой же группе принадлежат распространенные мемы «Турово-Пинское княжество», «бугуртооптимальный», «не найдено — не значит не было», «дайте выкройки на всё» и т. п.

Выделяются также мемы отдельных сообществ и мероприятий, распространяющиеся по всей субкультуре. Так, фестиваль «Выборгский замок» породил не только мем «отстоим космопорт», но и массу связанных с ним выражений. С другой стороны, некоторые мемы остаются достоянием относительно узких кругов, связанных с конкретным фестивалем:

...на одном из первых Русборгов в лагерь пришли лесники и попросили вести себя потише — у кабанов шел опорос (фестиваль был на майских праздниках, фактически проходил на территории заповедника). Естественно, моментально родился звонко разлетающийся по всему лесу клич «Опорось!!!» (да, именно опоросЪ), который потом несколько лет был фишкой Русборга (Зап. от муж., 26 лет, Воронеж, стаж в субкультуре — 6 лет. 2011 г.) [ПМА].

В том же году мем «опорось» попадает в РИ-среду и развивается в ней, становясь выражением сочетания значе-

ний «маскулинность», «сексуальность», «агрессия». К 2008 г. возникает танец «Опорось» [Кулагин 2008], сочетающий определенный набор движений с ритмичными выкриками «опорось!».

Возникают также **изобразительные тексты** характерных для интернет-коммуникации форм (демотиваторы, макро⁴ и проч.), которые в основном служат целям идеологической борьбы в рамках субкультуры. Здесь выделяются три направления, в основном сформировавшиеся на протяжении 2000-х гг.

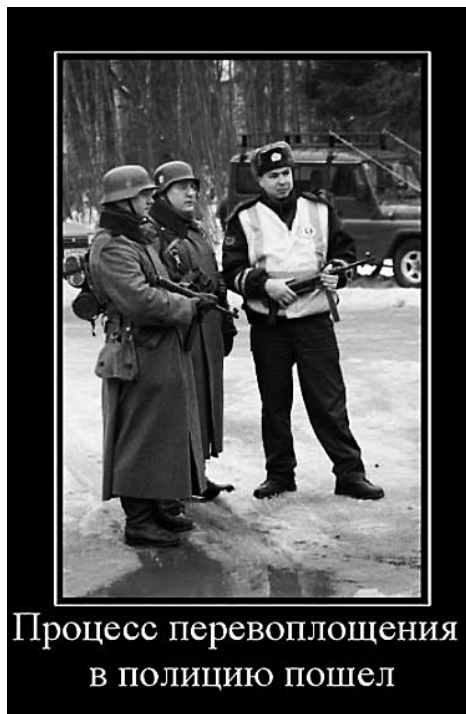
1. «Агитационные» изображения, которые четко маркированы как авторские (илл. 2а и 2б). Эти изображения активно расходятся в ИР-среде как в оригинальной, так и в измененной форме. Содержащиеся в них вербальные тексты могут также самостоятельно функционировать в интернет-коммуникации и в устном общении — целиком или в форме мемов. В целом ряде клубов развивается традиция любительских рисунков, карикатур и коллажей, используемых для презентации своего клуба и идей, а также для поддержания группового единства за счет использования мемов и иконографических кодов, бытующих внутри этих узких групп.

2. Визуальные формы, «цитирующие» изображения, популярные в сети (мемы), активно развиваются со второй пол. 2000-х гг. Высокий уровень их вариативности обусловлен простотой манипуляции таким изображением — оно может быть выполнено в простейшем графическом редакторе и не требует наличия специальных художественных навыков. Появление и распространение этих изображений, безусловно, связано с интеграцией «падначеской» традиции в ИР-среду (илл. 3а и 3б) (эти изображения представлены в сети во множестве вариантов) отсылают к схематичным (часто анимированным) изображениям людей, которые применяются на имиджбордах для выражения определенных эмоций [Ксенофонтова 2009].

⁴ Макро (имидж-макро) — используемое, в основном, для коммуникации на имиджбордах изображение, снабженное подписью, выражающей эмоции пользователя, как правило, с использованием эрративов.

3. Демотиваторы — самая поздняя по времени возникновения форма «графического» фольклора реконструкторов. Как правило, встречаются два типа подписей демотиваторов: «внутренние» (сугубо реконструкторский юмор — см. илл. 1 на стр. 3 обложки) и «внешние» — связанные с иными актуальными событиями (илл. 4), где сцены с участием реконструкторов просто иллюстрируют некоторое явление более широкого значения. Следует обратить внимание на то, что в обоих случаях демотиваторы включены в пространство интернет-фольклора и используют его тексты.

Итак, субкультурный фольклор, бытующий в Интернете, в основном нацелен на осмысление актуальной реальности и текущих событий (см. подробнее в [Радченко 2007]). Носителем памяти он, строго говоря, не является. Память же заключена в байках и, что особенно важно, в вещах, производимых и потребляемых субкультурой.

Илл. 4. Демотиватор, совмещающий реконструкторов в фашистской форме и современного полицейского [Ferner 2011]

Заключение

Несмотря на свою неоднородность и сложную структуру, ИР остается единым движением, создающим специфические фольклорные формы. Фольклор субкультуры нацелен на поддержание двух ключевых нормативных комплексов, объединяющих всех реконструкторов — это «аутентичность» в ее материальном преломлении и поддержание коллективной деятельности.

Более традиционные фольклорные формы, такие как байки, легенды, посвященные отдельным личностям, объединениям, артефактам, служат, как правило, способом осмысления прошлого субкультуры, его рационализации и созданию комплексов норм. Формы же, характерные для современного фольклора, в т. ч. сетевого (мемы, демотиваторы и т. д.), создаются в процессе символического освоения актуальной реальности и являются откликом на текущие процессы и события; спустя некоторое время, однако, и они могут «вращаться» в корпус субкультурного фольклора уже как «тексты о прошлом». В обоих случаях основой содержания становится соответствие или несоответствие поведения персонажей субкультурным нормам. Несмотря на то, что эти нормы носят «неписанный» и даже «невербализуемый» характер, эмоциональная окраска продуцируемых текстов делает их совершенно очевидными для участников субкультуры и даже неофитов.

Фольклорные формы, не связанные с поддержанием норм, субкультурой практически не продуцируются. Попытки искусственного создания соответствующих текстов, как правило, не выходят за рамки интернет-коммуникации. При этом субкультура ИР довольно активно присваивает любые подходящие формы, созданные другими субкультурами и даже магистральной культурой. Отсутствие «программных» текстов и способность к инкультурации символов позволяет субкультуре легко адаптироваться как к внутренним изменениям, так и к трансформации окружающего культурного контекста.

Литература

Веселова 2011 — *Веселова Е. М.* Социально-психологические особенности взаимосвязи лидера и малой группы в деятельности клубов исторической реконструкции. Автореф. дисс... канд. психол. наук. М., 2011.

Година 1999 — *Година А. И.* Взаимодействие субкультуры и культуры (на примере движения индеанистов) // Молодежные движения и субкультуры Петербурга. СПб., 1999.

Громов 2010 — *Громов Д. В.* Фольклор молодежных субкультур: закономерности формирования и проблемы исследования // От конгресса к конгрессу: Навстречу Второму Всероссийскому конгрессу фольклористов. Сборник материалов. М., 2010. С. 134—150.

Зорина, Юрченко — *Зорина Е. В., Юрченко А. В.* Военно-исторические реконструкторы как сообщество // URL: http://www.isras.ru/abstract_bank/1209499100.pdf

Ксенофонтова 2009 — *Ксенофонтова И. В.* Специфика коммуникации в условиях анонимности: меметика, имиджборды, троллинг // Интернет и фольклор / сост. А. В. Захаров. М., 2009. С. 285—293.

Писаревская 2010 — *Писаревская Д. Б.* Трансформация форм традиционной и урбанистической культуры в субкультуре ролевых игр // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 13. Традиционная культура современного города. М., 2010. С. 448—457.

Радченко 2007 — *Радченко Д. А.* Сетевой фольклор как способ осмысления актуальной реальности: специфика и жизненный цикл // Folk-Art_Net: новые горизонты творчества. От традиции — к виртуальности. М., 2007. С. 63—75.

Радченко 2010 — *Радченко Д. А.* Комплексные тексты в сетевом фольклоре // От конгресса к конгрессу: Материалы Второго Всероссийского конгресса фольклористов. Сб. докладов. Т. 1. М., 2010. С. 69—82.

Agnew 2004 — *Agnew V.* Introduction: What is Reenactment? // Criticism. 2004. Vol. 46. № 3. P. 327—339.

Anderson 1984 — *Anderson J.* Time machines: The world of living history. Nashville, TN, 1984.

Crang 1996 — *Crang M.* Living History: Magic Kingdoms or a Quixotic Quest for Authenticity? // Annals of tourism research. 1996. Vol. 23 № 2. P. 415—431.

Decker 2010 — *Decker S.* Being Period: An Examination of Bridging Discourse in a Historical Reenactment Group // Journal of

Contemporary Ethnography. 2010. Vol. 39 № 3. P. 273—296.

Gueorguieva 2010 — *Gueorguieva V.* Subcultures as Virtual Communities // Семинар_BG. Online journal for cultural studies. № 1. 2010. URL: <http://www.seminar-bg.eu/spisanie-seminar-bg/special-issue1/item/322-subcultures-as-virtual-communities.html>

Hall 1994 — *Hall D.* Civil War reenactors and the postmodern sense of history // Journal of American Culture. 1994. 17. P. 7—11.

Handler, Saxton 1988 — *Handler R., Saxton W.* Dyssimulation: Reflexivity, Narrative and the Quest for Authenticity in «Living History» // Cultural Anthropology. 1988. Vol. 3. № 3. P. 242—260.

Horwitz 1999 — *Horwitz T.* Confederates in the Attic: Dispatches from the Unfinished Civil War. New York, 1999.

Historical Reenactment 2010 — Historical Reenactment: From Realism to the Affective Turn / eds. I. McCalman, P. A. Pickering. London; New York, 2010.

Punker.ru — Анекдоты о неформалах // URL: <http://punker.msk.ru/text.php?id=775>

Radtchenko 2006 — *Radchenko D.* «Simulating the Past: Reenactment and the Quest for Truth in Russia» // Rethinking History. Vol. 10. № 1. March 2006. P. 127—148.

Thompson 2004 — *Thompson J.* War Games: Inside the World of Twentieth-Century War Reenactors. Washington, 2004.

Turner 1989 — *Turner R.* The Play of History: Civil War Reenactments and Their Use of the Past // Folklore Forum. 1989. № 22 (1/2). P. 54—61.

Интернет-ресурсы

Damael 2006 — Damael, 7.08.2006. Запись в блоге. URL: diary.ru/~damael. Дата последнего обращения 21.06.2011.

Igra-govno — Чей ты друг? URL: http://igra-govno.com/%D0%A7%D0%B5%D0%B9%D1%82%D1%8B_%D0%B4%D1%80%D1%83%D0%B3%3F.

Joker 2004 — too_joker, 10.11.2004. Запись в блоге. URL: <http://too-joker.livejournal.com/844.html>. Дата последнего обращения 21.06.2011.

K@3@НОВ@ 2007 — K@3@НОВ@, 27.12.2007. Запись в блоге. URL: <http://blogs.mail.ru/mail/pashtet3006/?from=otvet>. Дата последнего обращения 21.06.2011.

Mishael 2002 — Mishael, 17.12.2002. Запись на форуме. URL: <http://www.usedcars.ru/board/i/index.php?topic=1210.0>. Дата последнего обращения 21.06.2011.

Ray 2009 — Ray, 26.09.2009. Запись на форуме. URL: <http://alfamoto.ua/forum/show->

<thread.php?s=cc828827efcce580c7f9c4417af787a6&p=14859>. Дата последнего обращения 24.06.2011.

Кулагин 2008 — И. Кулагин, 30.08.2008. Видео на личной странице. URL: http://vkontakte.ru/video-403068_72627390. Дата последнего обращения 24.06.2011.

Наталу 2005 — Наталу, 27.06.2005. Запись в блоге. URL: <http://www.liveinternet.ru/journalshowcomments.php?journalid=733708&jpostid=6537812>. Дата последнего обращения 21.06.2011.

Огняна 2005 — Огняна, 21.02.2005. Запись на форуме. URL: <http://www.cowboyway.ru/forum/phpBB2/viewtopic.php?t=61&sid=38978d285239cd3d46bf99fd3206b605>. Дата последнего обращения 21.06.2011.

Demotivators 2011 — URL: <http://demotivators.ru/posters/509797/ponedelnik-piter-utro.htm>. Дата последнего обращения 11.9.2011.

Fermer 2011 — URL: <http://fermer.ru/forum/obshchie-voprosy/109009?page=1>. 14.02.2011. Дата последнего обращения 11.9.2011.

Li 2007 — URL: <http://www.liveinternet.ru/photoalbumshow.php?albumid=161343&seriesid=308148>. 17.4.2007. Дата последнего обращения 11.9.2011.

Temoraclub 2008 — URL: <http://temoraclub.4bb.ru/viewtopic.php?id=105>. 18.04.2008. Дата последнего обращения 11.9.2011.

VK 2010 — URL: http://vkontakte.ru/mail#/photo-2248_179349378. 8.09.2010. Дата последнего обращения 11.09.2011.

VK 2011 — URL: http://vkontakte.ru/album-24733659_129591036#/photo-24733659_243710842. 31.03.2011. Дата последнего обращения 11.9.2011.

Volk 2010 — URL: <http://volk.noxclub.net/viewtopic.php?p=27527&sid=c690cf40172802c04af689fd7821e3a9>. 29.3.2010. Дата последнего обращения 11.9.2011.

Сокращения

ПМА — полевые материалы авторов.

Summary. The article analyses specific features of reenactors in Russia. The long history of the subculture has formed a rather heterogeneous community, in which folklore performs the function of development and support of norms and of making sense of current events. The reenactment scene also actively accumulates folklore texts of other subcultures adapting them to its own needs.

Key words: subculture, norm, authenticity, memory, reenactment, living history.